

И. В. Васильева

ПРАСЛАВ. *PĚSTŮ, РУС. ПЕСТ И ПОЛЬСК. PIAST

Пест — существительное с надежной, не вызывающей сомнений праславянской этимологией (Фасмер III, 250): это производное с суффиксом *-t-* от аблаутной ступени *-o-* индоевропейского корня **(peis-?)*: *pis-* (Pokorny I, 796). Однако, несмотря на прозрачность этимологии, с этим словом связаны вопросы, которые еще ждут своего разрешения.

Производность глагола **pĕstovati* от **pĕstŭ* либо **pĕsta* в последние двадцать лет была обоснована несколькими исследователями: Ж. Ж. Варбот¹, А. Баньковским (Bańkowski II, 542) и В. Борысем (Boryś 425). Происхождение этого глагола от основы **pĕst-* не вызывает сомнений, однако существуют разногласия насчет производящей основы и семантических оснований, причем предпочтение **pĕstŭ* либо **pĕsta* чаще всего связано с тем, какая лексема сохранилась в родном языке этимолога. Ж. Ж. Варбот очертила историю этой дискуссии и высказалась в пользу того, что глаголы **pĕstovati*, **pĕstati*, **pĕstiti* образованы непосредственно от **pĕstŭ* ‘инструмент для толчения’, так как значение **pĕsta* ‘втулка колеса’ вторично и присутствует не во всех славянских языках, в то время как указанные выше глаголы являются общеславянскими².

Остается открытым вопрос о том, насколько полно и всеохватно в славянских языках проходит разграничение по роду слов **pĕstŭ* и **pĕsta*. Указав на лит. *piestà* ‘ступа, пест’, В. Махек предположил, что уже на балтославянском уровне были существительные мужского и женского рода со специализацией значений ‘пест’ у м.р., ‘ступа’ > ‘втулка колеса’ у ж.р. (Machek 368). В. Борысь реконструировал для праславянского состояния даже средний род: **pĕsta* / **pĕstŭ* / **pĕsto* ‘пест, ступа; втулка колеса’ (Boryś 425), но в пользу этой реконструкции среди приведенного автором материала можно найти только словен. *pĕsto*/

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

pěsta ‘втулка колеса’. В этот ряд можно добавить рус. диал. бурят. *пестó* ‘пест для толчения в ступе’ (СРНГ 26, 314), но о праславянской древности существительного среднего рода этот факт не свидетельствует. Так как речь идет об инструменте, средний род может быть вторичен по аналогии с производными, образованными при помощи суффиксов *-slo*, *-dlo*. Похожий случай — рус. диал. *клёво* ‘жало (змеи)’ (Словарь Карелии II, 362) при наличии в том же диалекте синонимов *клёв* и *клеváло* ‘клюв у птицы’, от производящего глагола *клеváть* ‘жалить, кусать (о змеях, насекомых)’ (Словарь Карелии II, 361). Так или иначе, для признания праслав. **pěsto* необходимо больше подтверждающего материала.

Ссылаясь на Махека, Х. Поповска-Таборска³ отмечает, что родовое противопоставление **pěsta* — **pěstь* «довольно четко делит славянскую языковую территорию (ж.р. в верхнелужицком, нижнелужицком, польском и словенском, м. р. в русском и словацком; параллельные формы *píst*, *písta* засвидетельствованы только в чешском языке, в диалектах)». Однако последнее утверждение нуждается в уточнении. Только в чешском языке существуют слова муж. и жен. рода, обозначающие пест как инструмент толчения. Что касается собственно форм, соотносимых с **pěsta* — **pěstь*, то русский язык предоставляет данные, нуждающиеся в более пристальном рассмотрении.

В историческом и диалектном материале русского языка зафиксированы существительные мужского и женского рода, имеющие семантический компонент ‘воспитание’ — старорус. *песть* ‘о маленьком ребенке’ (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 22), смол. *пéста* ‘баловень (о детях)’ (СРНГ 26, 308) и урал. *пéсты* во выражении *жить по пéстам* ‘служить няней у чужих людей’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 402). Являются ли эти слова праславянским наследием? Возможно, здесь скрыта другая словообразовательная модель и приведенные выше слова являются гомогенными омонимами по отношению к континуантам праслав. **pěstь* — **pěsta* ‘пест; втулка колеса’.

Для того чтобы в этом разобраться, необходимо рассмотреть слова, входящие в семантический ряд субъектов и объектов воспитания, которые нередко, не изменяя формы, меняют значение. Это др.-рус. *пѣстунъ*, *пѣстунѣй*, *пѣстунецъ* (*пѣстуньць*), *пѣстунникъ* ‘воспитатель, дядька; руководитель, вдохновитель’, ст.-рус. *пѣстунница/пѣстунница* ‘нянька’ (СлРЯ XI–XVII 15, 26), *пестунья*, *пестун* ‘устар. тот, кто пестует кого-л., заботливый воспитатель’⁴, урал. *пестуха* ‘няня’ (Сл. Сред. Урала IV, 24),

песту́нья ‘ленивая женщина’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 402), олон. *запéстуш* ‘изнеженный парень’ (СРНГ 10, 313), новг. *пéстыш* ‘ребёнок, окружённый вниманием и лаской’ (Новг. словарь 7, 133), олон. *запéстуш* ‘1. о полном, здоровом человеке; 2. изнеженный парень’ (СРНГ 10, 313), урал. *запéстыш* ‘здоровый ребенок’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 185), пск., твер., смол. *пéстун* ‘тот, за кем ухаживают, кого пестуют || избалованный ребенок’ (СРНГ 26, 322). Очевидно, что все эти существительные — суффиксальные производные от глаголов *пестать* / *пестить* / *пестовать*, в свою очередь производных от **pěstь* / **pěsta*.

На этом фоне ст.-рус. *пестъ*, диал. смол. *пéста* и урал. *пéсты* выглядят как производные с помощью нулевой суффиксации от тех же глаголов, так что следует генетически различать *пест*¹ ‘инструмент для толчения’, **pěsta*¹ ‘втулка колеса’ и *пест*², *песта*² ‘ребенок, объект воспитания’. Возможно, от отглагольного *пест*² с помощью суффикса *-енокъ* образовано существительное *пестёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309) (о семантике этого слова см. ниже).

Можно предложить и другое толкование: бытовавшие в русском языке слова *пест*/**песта* были переосмыслены в соответствии с семантикой глаголов *пестать*/*пестить*/*пестовать*. Примечательно, что слова *пестъ* и *пéста* используются тогда, когда человеку дается качественная характеристика и доминирующий семантический компонент — ‘избалованный’: «*Такой пѣсть, и хлѣбъ ѣсть*» (Сим. послов., 143. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 22), «*Такой уж песта (и такая уж песта): только б целовала, только б лизала, только б с рук на руки переходил*» (СРНГ 26, 308). Возможность согласования прилагательного и в мужском, и в среднем роде указывает на то, что перед нами — существительные общего рода (подобно *умница*, *гадина* и т.п.). Урал. *пéсты* в сочетании *жить по пéстам* ‘служить няней у чужих людей’ тоже предполагает *пест* в значении ‘ребенок’, т. е. *жить по пéстам* ‘жить там, где живут подопечные дети’. Соответственно, упомянутые случаи вряд ли могут быть возведены к праславянскому состоянию, но исчерпывающе объясняются фактами собственно русского языка.

Приведу также дополнительные доводы в пользу трактовки рус. *пест*¹ ‘инструмент для толчения’ и *пест*², *песта*² ‘ребенок’ как гомогенных омонимов с отличной друг от друга словообразовательной структурой. В этимологическом гнезде русского глагола *пихать* такие параллельные суффиксальные образования с

закономерно отличающейся семантикой не редки. Данные приведены в следующей таблице.

Производное от <i>пест</i> 'инструмент для толчения'	Производное от глаголов <i>пестать</i> / <i>пестить</i> / <i>пестовать</i> и их префиксальных дериватов	Суффикс
арх. <i>пéстыш</i> 'речная рыба Phoxinus laevis Agas', <i>пéстыш</i> 'вещь, на пестик похожая; вид хвоща, Equisetum arvense, пупыш' (Даль III, 105), новг. <i>пéстыш</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	новг. <i>пéстыш</i> 'ребёнок, окружённый вниманием и лаской' (Новг. словарь 7, 133), урал. <i>запéстыш</i> 'здоровый ребенок' (Сл. Сред. Урала. Доп. 185)	-ыш-
новг. <i>пéстуш</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	олон. <i>запéстуш</i> '1. о полном, здоровом человеке; 2. изнеженный парень' (СРНГ 10, 313)	-уш-
новг. <i>песту́н</i> 'можжевельник' (Новг. словарь 7, 132)	новг. <i>песту́н</i> 'годовалый медведь' (Новг. словарь 7, 132)	-ун-
твер. <i>песту́нья</i> 'ступа для толчения зерна' (СРНГ 26, 322)	<i>песту́нья</i> 'устар. женск. к пестун (в 1 знач.)' ⁵ , урал. <i>песту́нья</i> 'ленивая женщина' (Сл. Сред. Урала. Доп. 402)	-ья
новг. <i>пéстух</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	урал. <i>песту́ха</i> 'няня' (Сл. Сред. Урала IV, 24)	-ух-

Не укладывается в эту схему, однако, забайк. *песту́н* 'самая толстая балка, поддерживающая потолок' (СРНГ 26, 322). С одной стороны, эта лексема может быть свидетельством развития значения глагола *пестовать* как 'носить, поддерживать', ср. польск. диал. *piastun* 'палка, подпирающая молодое деревце' (Вогуś 426), т. е. возможно, что это случай переосмысления *песту́н* 'воспитатель'. С другой стороны, значение 'палка' широко представлено среди производных от *пест* и имеется у самой основы.

Отдельного комментария заслуживает новг. *пéстыш* '1. по-

левой хвощ; 2. ребёнок, окружённый вниманием и лаской: *Пестыша-то хоть немного побаловать брусничкой* // О ребёнке, лишенном ухода: *Растут как пестыши*’ (Новг. словарь 7, 133). Видимо, под одной словарной позицией составители объединили гомогенные омонимы. *Пэстыш* в значении ‘ребёнок, окружённый вниманием’ соотносится с *пэстать*, а в значении ‘полевой хвощ’ — с *пест*. Более того, контекст *Растут как пестыши* следовало присоединить к первому значению ‘хвощ’, потому что в нем чувствуется метафоричность: дети, *растущие* без присмотра взрослых, сравниваются с хвощом, который не является культурным растением, не требует ухода, *растет* сам по себе. Таким образом, ‘о ребёнке, лишенном ухода’ — это значение приведенного контекста, его нельзя считать устоявшимся лексическим значением слова *пэстыш*.

Итак, материал русского языка свидетельствует о том, что существительное *песта* является поздним фактом и не может быть возведено к праславянскому состоянию, что подтверждает замечание Х. Поповской-Таборской о жестком распределении по славянским языкам форм женского и мужского рода **pěstь* и **pěsta* ‘пест, ступа; втулка колеса’. Анализ также выявил регулярные соответствия словообразовательных моделей и пересечение семантики у слов, возводимых к **pěsta/ *pěstь*, но относящихся к разным семантическим сферам. “Воспитательное” значение очень активно и вступает во взаимодействие с исконным “сельскохозяйственным”. В свете изложенного материала по-новому можно взглянуть на польское имя собственное *Piast*.

В статье «О *пясте-ступице* и *пестуне*» Х. Поповска-Таборска рассмотрела гипотезы о происхождении названия династии Пястов (*Piastowie*). По ее мнению, проблематично выводить имя этого легендарного основателя польской династии из апеллатива **pěstь*, так как на территории Польши его рефлексy не зафиксированы при наличии *piasta* ‘втулка колеса’. А. Баньковский предполагает, что **pěstь* был на территории Польши, но обозначение этого предмета было заменено другим словом (*stepor*) из-за сексуальных ассоциаций (Bańkowski 541–542). Х. Поповска-Таборска предположила, что имя легендарного основателя польской королевской династии, возможно, связано с глаголами *pieścić*, *piastować*, но указала на то, «сокращенная форма от *piastun* (*piast*) не находит никаких языковых подтверждений»⁶. И снова обратимся к данным русского языка.

В русских говорах у лекси́мы *пест* есть пять основных групп

значений:

- ‘инструмент для толчения; палка’;
- ‘растение’, чаще всего ‘хвощ’ — по сходству с палкой;
- ‘вид рыб’ — по сходству с палкой;
- ‘характеристика человека’: ‘невежда; упрямый человек; глупый, тупой человек; высокий, тонкий парень’ (СРНГ 26, 308) — по сходству с палкой;
- ‘название животного’: новг. *пест* ‘медведь’ (Новг. словарь 7, 131), забайк. *пест* ‘баран-вожак стада’ и забайк. *пест* ‘грызун табарган’ (СРНГ 26, 308) — мотивации различны, и на них я остановлюсь подробнее.

Только последнее значение можно объяснить метафорическим переносом с исконного *пест* ‘инструмент для толчения; палка’, о чем свидетельствует приведенный в словаре контекст: *То сразу видно, что у норы пест стоит* (СРНГ 26, 308). Вероятно, этот грызун назван так по сходству настороженно стоящего у норы зверька со столбиком.

Новг. *пест* ‘медведь’ соотносится с обозначениями незрелого животного: *пестун* ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’⁷, новг. *пестун* ‘годовалый медведь’ (Новг. словарь 7, 132), урал. *пестун*, *пестун* ‘медвежонок в возрасте одного-двух лет’ (Сл. Сред. Урала 4, 24), урал. *опестун* ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 370), *пестенёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309), *пестёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309). Эти слова могут быть надежно объяснены существительным *пестун* ‘воспитатель’, что прекрасно иллюстрируют контексты: «*Пестун, которого мать оставляет присматривать за другими детенышами в берлоге. Нянька-пестун (учит), где как перелазить, что добывать*» (СРНГ 26, 322). Медвежонок в возрасте одного-двух лет — помощник для своей матери, он опекает младших, новорожденных. Похоже, что значение ‘медведь’ развилось из этого обозначения медвежонка, т. е. ядром лексического значения явилась принадлежность к виду животных, а не деятельность. Если принять такое этимологическое толкование, то придется признать, что вместе со сдвигом в значении произошло усечение основы. В таком случае есть основания считать, что усеченное *пест* могло сохранять значение ‘воспитатель, наставник’.

Подтверждение тому можно найти в забайк. *пест* ‘баран-вожак стада’: «*Наш пест знал все пастбищные места, и мог тот пест без пастуха довести все стадо до места*» (СРНГ 26, 308). Примечательна семантическая параллель между употреблением

слова *пест* в данном контексте — ‘вожак’ — и внутренней формой греч. *παῖδαγωγός*, которое в древнерусских текстах последовательно переводилось словом *пѣстунъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 26). В обоих случаях важен семантический компонент ‘вести’. В русской лексике происходит семантическое развитие от ‘воспитатель, наставник’ к ‘вожак’.

Соответственно, семантические основания есть и для толкования имени *Piast* как ‘воспитатель, вождь’, и нецелесообразно совершенно отвергать такую этимологию для личного имени основателя династии. Разумеется, желательно лексическое подтверждение (**piast*) из польских диалектов или письменных памятников. Вероятнее всего, это значение появилось не на праславянском уровне, а в истории отдельных языков, хотя материал может показать обратное.

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. Об этимологии праслав. **pěstovati*, **pěstunъ* // *Slavia*, ročn. 63. Praha, 1994. с. 135–139.

² Варбот Ж. Ж. Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка // *Mednarodni znanstveni simpozij. Praslovanska dialektizacija v luči etimoloskih raziskav*. Ljubljana, 2010. В печати.

³ Поповска-Таборска Х. О *пясте-стужице* и *пестуне* // *Этимология 1997–1999*. М., 2000. 143–145.

⁴ *Словарь русского языка*. В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984. Т. 3, 115.

⁵ Там же.

⁶ Поповска-Таборска Х., 144.

⁷ *Словарь русского языка*, 115.